

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ЭХО ТРАГЕДИИ 1971 ГОДА

*И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.*

А. Пушкин

Двадцать восьмого мая 2019 года я получил от моего давнего друга и постоянного автора “Нашего современника” Виктора Лихоносова большой конверт, вскрыв который прочитал нечто, до глубины души удивившее меня.

“Станислав Юрьевич! Отдаю навечно письмо злополучной Дербиной (Грановской), – может, пригодится. Пытался ксерокопировать – не получилось! Вместо текста – чёрная страница! Из ноутбука папка с набором текста не удаляется! Ещё одну копию напечатать нельзя! Вот такая чертовщина! Я ей в 71-м году не ответил, во всяком случае, так мне помнится.

Спасибо за периодическую присылку журналов. Жду появления твоей (обещанной) статьи о современниках. Живу домоседом. Супруга больна. Я ещё бегаю, но утренние мысли прощальные. Уже впереди не будет 20-ти, 30-ти, 40-ка лет просыпаний и...

Обнимаю.

P. S.: 28 августа. Вполне возможно, где-то лежат мои письма образца 60-х годов прошлого века. Такой я несобранный. Но не гений, нет.

Обнимаю. Твой В. Лихоносов”.

В большой конверт была вложена ксерокопия обычного советского почтового конверта с маркой за четыре копейки, на которой были изображены герб Советского Союза, а рядом с ним – серп и молот. И чуть ниже хорошим крупным женским почерком было выведено: “г. Краснодар. Отделение Союза писателей. Лихоносову Виктору Ивановичу”. Под этими словами, где должны были находиться “индекс и адрес отправителя”, стояло чёрное пятно, которое так обескуражило Лихоносова и под которым можно было прочитать лишь одно слово: “Грановская Л. А.”... Обратный адрес колонии для заключённых был замазан чёрной краской. И в этот стандартный советский конвертик было втиснуто написанное женским убористым почерком на четырёх страницах плотной зелёной бумаги письмо из трудовой исправительной колонии, подписанное “Людмила Дербина (Грановская) 11/VII-1971 г. Вологда”, – письмо, на которое Лихоносов “ей” в 1971 году, как он сам пишет, “не ответил”. Как ей не ответили тогда многие друзья Рубцова, которым она посылала, видимо, подобные же письма с какой-то надеждой, что её если и не простят, то поймут. Она писала Вадиму Кожинову, Анатолию Передрееву, Анатолию Жигунину, Станиславу Куняеву, а как выяснилось теперь, и Виктору Лихоносову.

Последний, надо отдать ему должное, каким-то чудом сохранил её письмо в своём архиве. Вот он текст этой горестной исповеди, трагическая попытка то ли снискать сочувствие, то ли понимание, то ли оправдание. В любом случае — это незаурядный документ нашей литературной жизни, а эхо этого послания услышалось мною и в письме Виктора Лихоносова ко мне...

“Добрый день, Виктор Иванович!

Не могу не написать Вам.

Жизнь так коротка и так внезапно она может оборваться, что нет сил не отозваться на то прекрасное, что исходит из души Вашей.

Спасибо Вам, спасибо за то, что смотрите Вы за пределы этой жизни, за то, что носите в себе это редкое обострённое чувство жизни и смерти, за то, что отозвались в Вашем сердце слова древнего мудреца: “Посмотри, брат, на отцов наших: много ли взяли с собою.....”

Спасибо Вам за тоску по уходящей Руси, по последнему её скомороху, за память про “сумеречную быль” Родины.

Вы человек, у которого есть второе зрение, грустное зрение души. Это очень редкое свойство. Вы и родились с этим вторым зрением, с этой тоской души и чувством обречённости всего живого.

О буйство жизни! Всё ж над ним всегда мелькает смерти грозная зарница. Но ведь от этого чувства пронзительней ощущаешь почти физическую боль в сердце от безвозвратно уходящего времени, от его необратимости.

Вот, кажется, только что было у человека детство, как золотой сон, была юность, оставившая свой неповторимый отсвет... в будущие года, а когда перевалил человеку за тридцать, он вдруг задаёт себе вопрос: в чём же всё-таки смысл жизни? кто я? что я? А может, жизнь бессмысленна?

Может быть, есть только первородный грех Адама и Евы, за который из века в век муками, слезами, кровью расплачивается род человеческий, и только краткие зарницы счастья иногда озаряют жизнь человека, ради которых и стоит жить?

Счастье, по-моему, это и есть “причащение к звёздам и травам”, момент, когда ощущаешь себя живой частицей в этом нескончаемом потоке вечной жизни, когда познаёшь в себе какую-то божественную суть.

Вот у Бунина в “Жизни Арсеньева” запомнилась мне и неожиданно поразила меня одна такая строчка: “Я ложился в траву и смотрел в небо, как в родные глаза, как в отчее лоно своё”.

Нет, конечно, всё это не зря! И небо, и трава, и краски, в которые окрашен мир, и звёзды над нашей головой.

Они могут рассказать нам тайну нашего короткого мига на земле. А вот как у Канта: “Есть две вещи, которые занимают меня. Это звёздное небо над моей головой и нравственный закон во мне”.

Действительно, смотришь на звёзды, и глуще чувство беспредельности бытия пронизывает тебя и в то же время грусть и сиротство от краткости собственной жизни. И потому хочется наполнить свою жизнь каким-то главным смыслом и служить ему, и уже никогда не изменять ему, и верить, что звёзды тоже не безучастны к нашей судьбе.

Я не помню точно слова мудрого Соломона, но это он говорит, что познать самого себя — это не значит познать какие-то свои биологические особенности, но познать в себе то божественное, что составляет истинную суть человека.

Не это ли стремление познать в себе божественное и гонит нас в бывшие обители наших родных мудрецов, где мы с тоской и безнадёжной надеждой ищем их следы, стремимся представить их голос, походку.

Не это ли гонит нас в Кизи и на Соловки, в Феропонтово, к светлому храму Покрова на Нерли, где мы стараемся уловить русский дух, идущий к нам из глубины веков, представить молебны и молящихся, их смирение и благоговение пред высшей силой и их лучезарную радость, очищение после молитвы?

Разве пусты сейчас эти храмы, разве они просто красивы своими архитектурными формами, разве не слышим в них и “незримых певчих пеньё хоровое”?

Нет и нет!

Но и всё же как грустно! “Что-то нами навеки утрачено!”

Сломаны русские вековые традиции, и что же? Как фальшивы и не натуральны судорожные попытки восстановить их, склеить разбитое! Молчу. Вы всё понимаете лучше меня. Я просто плачу. Ведь я давно знала, что жизнь сама по себе трагична уже тем, что редко встретишь на свете родную душу. Но я не могла представить всей бездны горя и безысходности, когда находишь эту родную душу, а потом теряешь её по собственной вине. Чудовищный рок столкнул меня с Николаем Рубцовым. Это я, та самая женщина. Но меня тоже уже нет. Я только ещё дышу, а на месте сердца у меня чёрная выболевшая дыра. Как быть? Что делать дальше?

И как я ненавижу тех “правильных в своей сытости”, которые насмешничали над ним, алкоголиком, при его жизни, завидовали ему как поэту, вставляли палки в колёса, ничего решительно не сделали, чтобы спасти его, а когда случилась трагедия, спрятались в кусты и заплакали оттуда бабьими голосами.

Не верьте ничьим сплетням, прошу Вас. Скажем только: о Господи, страшен Ты в делах твоих! Но почему же такое невероятное надругательство судьбы? Я хотела спасти его, а получилось наоборот.

И каким безвозвратным счастьем представляются сейчас те минуты, которые я провела рядом с ним!

И хочется выть и кататься по земле от непоправимости случившегося.

Зачем я пишу всё это Вам?

Не знаю, не знаю.

Мне хочется сказать Вам, что он Вас любил. И простите меня, если сможете. Я страдаю.

Ещё мне хочется сказать Вам Вашими же словами: пусть благословит время на мудрость и пусть поищут новые годы Вам счастья.

Спасибо Вам, Виктор Иванович, за высокое звучание души Вашей. С поклонением Вам

Людмила Дербина (Грановская).
Вологда 11.7.1971”.

Нет, не зря несчастная преступница, обращаясь к замечательному русскому писателю, вспоминает Адама и Еву, царя Соломона и Ивана Бунина, и даже Эммануила Канта. Ей, как одиссеевской сирене, нужно очаровать Виктора Лихоносова, чтобы он преисполнился восхищением и жалостью к великой грешнице.

Пятьдесят лет прошло с той поры, как было выплакано это горестное признание в убийстве любимого человека, но читаешь его и чувствуешь, что чуть ли не каждое слово письма обжигает наши мятущиеся души.